

К ПРОБЛЕМАМ ОХРАНЫ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ ПЕРИОДА ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

УДК 719:728.03(470)“1918/1932”

ББК 85.11с(2)

Н.Ю. Васильев

Московский Государственный Строительный Университет, Москва, Россия

Аннотация

Массовое и уникальное жилище периода первых пятилеток высоко ценятся жителями. Но в снижении статуса таких зданий заинтересованы коммерческие застройщики. Механизмы же приведения этого жилья к современным стандартам и реставрации изначального облика (в случае статуса объектов культурного наследия) до сих пор не выработаны. Архитектурная ценность многих объектов такого рода не доказана из-за неясности трактовки их стилистики. А самими жителями ценность не осознается ввиду зачастую ненадлежащего содержания, в результате усилий по сохранению они оказываются заложниками ситуации. Частный же капитал не всегда способен и заинтересован в реконструкции и реновации жилого фонда данного периода, особенно малой плотности.¹

Ключевые слова: жилые дома, массовое жилище, Советская архитектура, ар-деко, авангард, «переходный» стиль, постконструктивизм

PROBLEMS OF THE FIRST FIVE-YEAR PLANS RESIDENTIAL BUILDINGS PROTECTION

N. Vassiliev

Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

Abstract

Today, heritage preservation tasks require not only continuation of the launched processes for documentation of large-scale housing projects of 1920-1930s, but also working out real mechanisms for regulation of capital repairs and restoration (in case of cultural heritage properties). It is especially important to preserve the residential function. It seems that the main reason of residents' discontent and resentment is lack of clear prospect for improvement of housing conditions, and they often become hostages of the situation. Private capital is not always interested in investments in preservation of mass-housing, including because of the low density. Moreover, preservation policy has some issues within professional discourse where stylistic change and decline from 'pure constructivism' still perceived as decline of architecture quality itself.²

Keywords: mass-housing, residential architecture, Soviet architecture, avant-garde, post-constructivism, "transitional" style

¹ **Для цитирования:** Васильев Н.Ю. К проблемам охраны жилых зданий периода первых пятилеток // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – №4(45). – С. 193-202 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/13_vasilev/index.php

² **For citation:** Vassiliev N. Problems of the First Five-Year Plans Residential Buildings Protection. Architecture and Modern Information Technologies, 2018, no. 4(45), pp. 193-202. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2018/4kvart18/13_vasilev/index.php

Новые социальные задачи, вставшие перед архитекторами во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов, обусловили появление новаторской архитектуры жилища. Во многом оно было кооперативным, и жители отчасти влияли на проектирование заданий. Но массовые жилые кварталы застраивались по единым проектам, причем далеко не всегда – одновременно. Это вызывало разные стилистические версии домов, даже оставшихся в своей основе типовыми, с типовыми квартирными секциями, разработанными по инициативе Моссовета.

В промышленных городах часто жилые кварталы этого периода играют роль исторического центра – со сравнительно низкой плотностью застройки, средней этажностью, средой, ориентированной на пешеходов, сосредоточением социально-бытовой инфраструктуры. К сожалению, несмотря на эти качества, ценность их, признанная проектировщиками в странах Запада ещё в 1980-е годы, в нашей стране поставлена под сомнение. Эти жилые кварталы едва сдерживают чрезвычайно высокое давление строительного комплекса и находятся под угрозой разрушения. Особенно это касается городов, где удалось преодолеть экономическую стагнацию производства и недостатки моно-индустриальной направленности экономики. Очевидно, что в первые постсоветские десятилетия сама специфика массовой «антибуржуазной» архитектуры не способствовала принятию её как ценной исторической среды. Касается это и столичных городов – Москвы и Санкт-Петербурга [6], как и некоторых других крупных городов Центральной, Южной России [14] и Поволжья, а также Урала и Сибири.

Задачи сохранения наследия требуют сейчас не только продолжения начавшихся процессов изучения подобных объектов (сейчас уже речь идёт об аналогичной работе с застройкой 1960-х годов), но и выработки реальных механизмов регулирования её капитального ремонта и реставрации. Прежде всего – в случае объектов культурного наследия. Парадоксально, но уже есть примеры, когда низший охранный статус «ценного градоформирующего объекта» и его капитальный ремонт дает заметно более качественные результаты, чем более высокий статус и, в результате, – затратная реставрация. Как пример можно назвать капитальный ремонт жилого комплекса в Москве по ул. 9 Рота/Преображенский Вал (1929, арх. И.С. Николаев и др.). В данном, как и большинстве других случаев, особенно важно сохранение не только жилой функции как таковой.

Принципиален вывод ситуации с подобными объектами из бинарной логики «снос–расселение» или «сохранение–консервация». Дело в том, что под консервацией ложно понимается сохранение условий проживания, в том числе «не расселенных коммунальных квартир», которых в 2009 году по результатам социологического опроса было около 9 % в Москве [10]. И без ясной перспективы улучшения бытовых условий проявляется недовольство жителей, ставших часто заложниками создавшегося положения. А частный капитал не всегда заинтересован в сохранении массовой застройки ввиду низкой её плотности, отраженной в весьма условных технико-экономических показателях.

Новая волна планов на снос, в том числе по инициативе самих жителей Москвы, прошла в первой половине 2017 года в связи с анонсом программы «Реновации жилья». Как думали, она касалась только зданий периода первого индустриального домостроения. К сожалению, несовершенство юридической процедуры и неготовность законодательной базы дали возможность включить в планы на расселение и множество зданий 1930-х годов постройки, а в отдельных случаях, даже «выявленных объектов культурного наследия».

В этом свете чрезвычайно важна просветительская работа как с населением, так и с органами муниципальной власти, а также – общая систематизация профессиональных знаний об архитектуре массовой жилой застройки [12,13]. Многолетний опыт такой работы говорит об отсутствии во многих случаях профессионально сделанных описаний

архитектурно-планировочных качеств массового жилища. И это открывает широкий простор для коммерческих и политических манипуляций с ним.

Примечательно, что в 2010-е годы в противовес этой тенденции в нескольких городах России появились инициативные группы граждан, поддержанные профессионалами, ратующие за сохранение не только отдельных домов, но целых градостроительных образований. Это «Соцгород Уралмаш» и «Городок Чекистов» в Екатеринбурге [7], жилые комплексы в Новокузнецке, Автозаводском районе Нижнего Новгорода и др.

Какие же качества жилой застройки периода первых пятилеток воспринимаются ценными? Кроме очевидных для определенного поколения ностальгических аспектов, это камерный масштаб и небольшая высота застройки: трёх-шестиэтажные секционные дома в кварталах с изолированными дворами, созданными благодаря периметральной застройке кварталов. А также – отчасти сохранившаяся система культурно-бытового обслуживания. В районах середины и второй половины 1930-х годов прибавляется и единство ансамблевых архитектурных решений, в том числе и с высотными доминантами при средней и низкой плотности застройки [1,2].

Важнейшим преимуществом такого жилища является доступность предприятий, научных и учебных институтов, мест приложения труда. Она сегодня соответствует всемирной тенденции «пешеходизации» городской среды. Так, с 1980-х годов движение «нового урбанизма» в США и Европе ратует за те планировочные принципы, по которым возводилась комплексная застройка соцгородов в СССР [3]. Сложившиеся пешеходные связи между группами жилых зданий, остановками общественного транспорта и предприятиями обслуживания формируют самодостаточные районы. И они образуют во многих городах солидную часть всей городской ткани, как, к примеру, в Новосибирске или Казани.

Само же жилище, если не говорить о сохранившихся коммунальных квартирах, представляет достаточно комфортные по современным меркам квартиры с высокими потолками, часто сквозным проветриванием, подсобными помещениями и т.п. На этом фоне наиболее спорно с точки зрения многих жильцов выглядят архитектурные решения вовсе не уникальных домов, выстроенных по индивидуальным проектам, и массовых типовых зданий, а намного более редких домов-коммун и домов «переходного типа» [4], которые почти во всех городах имеют статус объектов культурного наследия.

Большие опасения вызывают проходящие в последние годы ремонты фасадов жилых домов. К примеру – в областных центрах, принимавших Чемпионат мира по футболу 2018 года, в рамках капитального ремонта на скорую руку исказили первоначальный облик многих зданий: кирпичная кладка штукатурилась и окрашивалась; окна заменялись, получая иной рисунок переплетов; балконы закрывались нехарактерными для прежней стилистики ограждениями и т.п. Такие меры «улучшения» фасадов приводят к отрицанию жителями самой идеи капитального ремонта, так как инженерные коммуникации остаются на прежнем качественном уровне, а архитектура уродуется.

Надо отметить растущий из года в год вал «улучшений», ведущих к утратам из-за повсеместного проведения таких работ без качественной проектной документации. Изменить положение может лишь ее разработка на профессиональном уровне и с учётом пожеланий жителей, а также – обсуждение принятых решений. Но важнее всего – отказ от деляческого подхода к такому архитектурному наследию.

Для понимания неоднозначного архитектурного стиля второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов необходимо решение целого ряда теоретических вопросов, очень важных в подобных случаях. Само понятие «архитектура авангарда», как правило, подразумевает новаторские творческие решения, характерные для 1920-х годов. Но этот термин не является четкой характеристикой массового строительства в Москве в период НЭПа и Первой пятилетки, когда был небывалый размах строительства. Если

рассматривать многочисленные примеры, выясняется трудность однозначной трактовки общего стиля. Не говоря об относительной узости распространенного термина «архитектурный конструктивизм», отражающего деятельность одной лишь группировки ОСА (Объединения современных архитекторов), это связано и с условностью периодизации советской архитектуры в целом, и – с недостатком архивных материалов по многим объектам, а также – с типичным советским долгостроем и передачей объектов из одной архитектурной мастерской в другую. А это было причиной появления «переходной» от авангарда к ар-деко стилистики.

Очевидно, что стилистика архитектуры второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов хорошо узнаваема, представляя собой широкий спектр творческих приемов. Она распадается на ранний период, когда зодчим особенно импонировали живописные объемно-пространственные композиции – асимметричные, с выделением в отдельные блоки функциональных элементов, с подчеркнутой динамикой форм (угловых башен, угловых балконов и лоджий, и т.д.). Тогда нравились дома на столбах, плоские кровли, большие остекленные поверхности и пр. приемы, описанные Ле Корбюзье как канон современной архитектуры. Все они были неременной частью проектов, но далеко не всегда – реализации первоначальных замыслов новых зданий в условиях отнюдь не средиземноморского, а весьма холодного климата, а также – из-за нехватки металла и цемента, отпускаявшегося, в основном, на нужды промышленного строительства. Поэтому часто модные архитектурные формы имитировались путем устройства аттиков, скрывавших скатные кровли и с помощью горизонтальных поясков, визуально объединявших окна в сплошные ленты и т.д. Но во всех случаях наблюдался отказ от декора, заменявшегося шрифтовыми элементами (надписями на фасадах типа: «Почта. Телеграф. Телефон»), или ритмическим чередованием окон простой и круглой формы, типа корабельных иллюминаторов.

Кажущаяся простота архитектуры была в моде и противопоставлялась традиционным ордерам, хотя целый ряд зодчих их использовал, отчего такие проекты вызывают дискуссии до сих пор (например, многие ранние произведения И.А. Голосова, который обращался к ордеру и в 1920-е, и в 1930-е годы).

Эстетика авангарда стала трансформироваться к началу 1930-х годов в сторону усложнения объемных решений за счет применения цилиндрических форм. Еще одной тенденцией этого времени можно назвать симметрию архитектурных композиций, от которой в середине 1920-х годов отказывались. Однако единства творческих приемов не было, так как каждый мастер по-своему видел пути дальнейшего развития архитектурной мысли. Опробовав способы компоновки гладких объемных элементов, разномасштабных оконных проемов, балконов с «корабельными» перилами из металлических труб и т.д., зодчие перешли к более сложным и декоративным формам. И причин для этого было несколько. Прежде всего, под влиянием заказчика, хотевшего видеть свое здание более солидным и отличавшимся от аналогов. Таковы многие ведомственные жилые дома. В отличие от массовой застройки окраин, они расположены в самом центре города и выполнялись по индивидуальным проектам, выбранным в результате конкурсов.

Анализ многочисленных московских жилых домов показал ряд уникальных решений для жилищных кооперативов, возводивших их на личные средства деятелей культуры, чиновников, нэпманов, журналистов, военных и других горожан.

Архитектура кооперативных домов дает новое представление о реальной жизни москвичей, а не только о заявленных в правительственных и партийных документах задачах повышения качества быта советских людей. Таковы кооперативные дома ВСНХ и МУНИ по проекту Б.М. Великовского, имевшего большой опыт строительства доходных домов. Диапазон архитектурных «физиономий» подобных построек впечатляет разнообразием. Это и двухэтажные здания с квартирами в двух уровнях (например, по проекту Г.К. Олтаржевского), и относительно высокие односекционные «дома-башни» по проекту А.М. Гуржиенко, и многосекционные корпуса, получившие наибольшее

распространение. Почти все такие дома состоят из нетиповых квартир разной конфигурации. Не похожи друг на друга квартиры в домах, созданных А.В. Щусевым (для артистов, в Брюсовом переулке, для кооператива «Диск»), А.Я. Лангманом (дом руководящего состава ОГПУ), Н.А. Ладовским – для редакции «Крестьянской газеты» и др. Практически все зодчие старшего поколения, как и молодые их коллеги, работали в этом жанре [5].

Специфика кооперативных домов часто обусловлена характером полученного под строительство участка. Но все-таки, основная их особенность состоит в уникальности внутреннего пространства квартир, и, в результате, – в неординарных объемных решениях и в особенностях отделки фасадов. Скромных, что было в духе времени, но нестереотипных. Оказалось, что примечательных зданий такого рода в Москве намного больше, чем можно предположить. И часто под маской упрощенных форм снаружи, типичных для облика массовых зданий, кроются уникальные пространственные решения. Именно стилистический подход к данной теме позволил выявить ряд неизвестных ранее объектов. Причем, сначала – без каких-либо документальных подтверждений их принадлежности к периоду авангарда, и вне зависимости от популярности имен авторов их проектов.

Для понимания исторической и архитектурной значимости таких объектов жителями, владельцами квартир и арендаторами, мы опубликовали ряд книг, хотя не претендовали на полноту показа всей архитектурной практики того времени, ставя лишь задачу вскрытия «слоя» именно массовой и зачастую до сих пор анонимной архитектуры. Важнее для нас была появившаяся возможность говорить о многоликости московского жилищного строительства в данный период – художественной, стилистической, социальной, планировочной [11].

В основу отбора изучаемых объектов был положен принцип узнаваемости стилистики архитектуры 1920-х – 1930-х годов. Но мы столкнулись с трудностью ее интерпретации на деле. Например, – жилой дом на Моховой улице (далее – посольство США, потом – офис «Интуриста») И.В. Жолтовского. Как известно, подчеркнута фасадная архитектура его по завершении строительства в 1934 году вызвала восхищение многих современников, в числе которых были чиновники самого высокого уровня – главные заказчики новых зданий. Разумеется, надо признать огромное влияние этого авторитетного мастера на все дальнейшее развитие советской архитектуры. И это его произведение имеет стилистическую цельность, не связанную с авангардом.

На самом деле, если ставить задачу шире – показать и сохранить редкие сегодня черты архитектуры данного периода, – нельзя упускать возможность привлечь внимание и к таким постройкам, весьма заметным в городе. Среди них важное место надо отвести комплексу Института кооперативной торговли с общежитиями Н.Я. Колли на Волоколамском шоссе (с К. Рябовым). Его план как часть шестерни – в духе архитектуры 1920-х годов, а довольно скромный декор – дань моде середины 1930-х годов.

Несомненно, признание широкой публикой дома на Моховой говорит о кардинальном изменении ее вкусов и отходе от укоренившихся в первое послереволюционное десятилетие представлений об аскетическом быте советских людей. Менее очевидны для многих сходства этой стилистической тенденции с общеевропейской, сформировавшейся через десять-двадцать лет после Первой мировой войны и получившей намного позднее (с 1966 года) название «ар-деко». Характерно, что эта тенденция затронула не только уникальные здания, а почти и все массовые, попавшие в ситуацию долгостроя. Собственно, стилистической чистоты авангарда почти не выявляется, если говорить о большинстве московских объектов.

Не игнорируя этот стиль (мы его понимаем, как переход от авангарда к ар-деко), С.О. Хан-Магомедов назвал его термином «постконструктивизм». В его рамки хорошо вписались работы многих мастеров авангарда 1930-х годов. Особенно тех, кто не

расставался с упрощенным ордером. Именно ордер, не ушедший с исторической сцены навсегда, как думали в 1920-е годы, стал визитной карточкой этого декоративного направления, как бы его не называли. Однако самым характерным приемом трактовки ордера в то время стала его трансформация, уже испытанная как метод обновления канона и в древности, и в XX веке. Мы вместе с некоторыми другими исследователями интерпретируем это явление как одну из форм ар-деко, имевшего, как известно, множество оттенков (см., например, [9]). Самый ретроспективный аспект этого стиля был характерен, надо признать, для СССР и Германии. Однако этот вопрос до сих пор не решен и в методологическом плане, и применительно к переизданию нашей «Красной книги», посвященной архитектуре авангарда и объектам «переходного» стиля.

Кроме ордера (в том числе в версии «пролетарской классики» И.А. Фомина), заметен также ещё один аспект – формально-выразительная архитектура, характерная в нашей стране для творчества К.С. Мельникова, Н.А. Ладовского и его учеников, а на Западе – для представителей экспрессионизма. Примечательно, что начало этого течения в Европе отсчитывают как от концептуальных работ Б. Таута, так и от практики амстердамской школы. Авангард этого типа, в отличие и от русских конструктивистов и от немецких функционалистов, опирался на формотворчество, не просто дополняющее, а часто акцентирующее отнюдь не функциональные планы и новые строительные материалы и технологии. И потому в условиях недостатка «современных» стройматериалов и поворота к монументальности 1930-х годов экспрессионизм смог проще трансформироваться – на Западе в виде обтекаемого стиля – стримлайна, у нас – в проектах и самого Ладовского, и Мельникова, и молодых выходцев из группировки рационалистов «АСНОВА», таких как, к примеру, Д.Ф. Фридман.

Итак, нельзя провести четкую границу между достраивавшимися в 1930-е годы зданиями периода авангарда и многими объектами, имевшими уже на стадии проектирования монументальные и декоративные черты. И мы убеждены, что нельзя отказываться от их изучения, охраны и реставрации, поняв самые типичные черты их стиля и признав его ценность, а главное – преемственность с культурой авангарда [15]. Привычная и удобная в полемике [8] бинарная оппозиция: «хороший» авангард – «плохая» классика, на самом деле оказывается дважды неверна – принадлежность к классической традиции – не маркер качества. Кроме того, в архитектуре авангарда было, как минимум, два разных направления: первое – произведения конструктивистов (говоря по-европейски – функционалистов), второе – рационалистов-экспрессионистов, таких как Н.А. Ладовский и его ученики-вхутемасовцы. И наблюдалось огромное количество интереснейших «переходных» форм, обнаруживаемых при изучении реальной практики строительства.

Однако, как хорошо известно, в нашей стране до последнего времени применялись термины «сталинский классицизм» и даже – «сталинская эклектика» и «сталинское барокко», и во всех случаях это явление трактовалось как «тоталитарный стиль», тогда как далеко не все страны, где этот стиль вошел в моду, имели соответствующий политический режим. Новые монументальные решения в упрощенном ордере оказались востребованными на рубеже 1920-х и 1930-х годов. В таких неоднозначно трактованных формах выполнен в Москве целый ряд жилых и общественных зданий, полноправно вошедших в жилую среду. Это школы, техникумы, детские сады.

Нельзя игнорировать яркие архитектурные явления, находящиеся на стыке двух стилистических эпох, хотя каждый отдельный объект требует особого рассмотрения. Уместным, нам кажется, также включение не всех, но многих типичных построек середины и второй половины 1930-х годов в контекст архитектуры авангарда 1920-х годов. Например – работ И.А. Голосова (жилые дома на Яузском бульваре, Щербаковской улице и др.).

При переиздании «Красной книги» [12] мы собираемся включить, к примеру, жилой дом Военно-строительной академии имени Куйбышева на Яузском бульваре, спроектированный И.А. Голосовым. Это тем более логично, тогда как в первое издание

нами был включен дом в Оружейном переулке, им же спроектированный (на одном из этапов более чем десятилетней стройки). Он был задуман намного раньше своего окончательного воплощения, и не Голосовым, а другим автором, причем, изначально – в весьма простых формах. Как и во всем «слое» построек в духе европейского ар-деко, здесь, несомненно, имеются черты, восходящие к авангарду.

Большие проблемы очевидны также с датировкой зданий, так как от начала проектирования и до конца строительства всегда проходит не один год. Не случайно в научной литературе можно видеть различные даты (проектирования или завершения строительства), хотя и та, и другая весьма условны, так как не отражают ситуацию обычного долгостроя. Мы предлагаем давать некоторые из дат в широкой трактовке, как гипотетически возможные исходя из стилистики архитектуры, а также – с учетом выявленных на сегодняшний день архивных материалов.

После появления нашей «Красной книги» вышло несколько изданий такого типа по Екатеринбург (с нашим участием), Новосибирску, Ростову-на-Дону, Самаре, Югу России [15]. Их авторы стремятся внести свой вклад в популяризацию и охрану такого архитектурного наследия. В Москве коллеги в Центре авангарда также начали издавать серию книг «Незамеченный авангард», в которой в общекультурном контексте и подробнее, чем это сделали мы, рассказывается об упомянутых ранее объектах.

Интерес к сохранившимся архитектурным свидетельствам ушедшей эпохи второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов, казалось бы, налицо. Однако это не помогло сохранить многие давно описанные здания. Это – «Дом врачей», в котором жил Н.Н. Бурденко на улице, носящей его имя; часть жилого квартала на Погодинской улице, Донские бани и др. Кроме того, фасады ряда зданий были до неузнаваемости перестроены и продолжают перестраиваться в рамках ремонта фасадов из-за непонимания своеобразия их стилистики.

Тем не менее, есть и положительные примеры. Так, в рамках капитального ремонта приведен в порядок один дом жилого квартала на Преображенском валу с явным желанием сохранить особенности первоначального архитектурного замысла. Есть и некоторые иные примеры, требующие решения при поддержке Мосгорнаследия. Мы не затрагиваем в данном случае вопросы профессионально выполняемой реставрации, сегодня поставленной под удар системой тендеров и госзакупок.

Впервые этот вопрос стал решаться не путем непредсказуемого для специалистов общественного обсуждения, а специально сформированной международной комиссией, наблюдающей за ситуацией с намеченной реставрацией Дома-мастерской Мельникова. Ранее такие вопросы решались келейно, что приводило к потере оригинальных архитектурных форм в ходе многих ремонтов и реставрационных работ. Данный путь, несомненно, единственно правильный, так как недостаточная популяризация архитектуры авангарда и, тем более, недооценка значимости архитектуры 1930-х годов, имеющей смешанные стилистические черты, приводит к досадным промахам и в исследовательской работе, и в реставрационной практике.

Необходимо расширение знаний о наследии данного периода в самом широком контексте. Если уникальные объекты еще могут быть защищены силами международной общественности, то массовые объекты, в том числе и «переходного» к ар-деко стиля, до сих пор невнятно охарактеризованного даже в профессиональной печати, будут окончательно потеряны. Это тем более важно потому, что уже за несколько последних десятилетий явно выражен средовой подход к архитектуре, и это относится к городу с такой многосложной исторической составляющей как Москва. Здесь много делается для тотального, а не только выборочного благоустройства, тратятся огромные средства на ремонт фасадов массовых зданий, и на реставрацию многих из них.

Литература

1. Броницкая Н.Н. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1910–1935 гг. Том 9. – М.: Искусство-XXI век, 2012. – 356 с.
2. Броницкая Н.Н. Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1933-1941 гг. Том 10. – М.: Искусство-XXI век, 2015. – 320 с.
3. Васильев Н.Ю. Эволюция типологии массового жилища в советской архитектуре // Массовое жилище как объект творчества. Роль социальной инженерии и художественных идей в проектировании жилой среды. Опыт XX века и проблемы XXI века / под ред. Т.Г. Малининой. – М.: БуксМАрт, 2015. – С. 110-121.
4. Васильев Н.Ю. Милютин – герой своего времени // Милютин Е.Н. Человек Ренессанса / Н.Ю. Васильев, Е.Б. Овсянникова. – Нью-Йорк: RMCS, 2015. – С. 269-303.
5. Vassiliev N. Boris Velikovsky. 1878-1937 / N. Vassiliev, E. Ovsyannikova. – Stuttgart: Arnoldische Art Publishers, 2017. – 256 с.
6. Васильев Н.Ю. Об охране массовой застройки периода первых пятилеток // Революция и наследие. Наследие революции. Сборник материалов. – СПб.: Папирус, 2017. – С. 241-250.
7. Екатеринбург. Архитектурный путеводитель. 1920-1940. 8 маршрутов. – Екатеринбург, Татлин, 2015. – 360 с.
8. Конышева Е. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска) / Е. Конышева, М. Меерович. – М.: Ленанд, 2012. – 224 с.
9. Малинина Т.Г. Формула стиля: Ар Деко: истоки, региональные варианты, особенности эволюции. – М.: Пинакотека, 2005. – 304 с.
10. Овсянникова Е. Б. Красная книга. Архитектура авангарда. Москва. Вторая половина 1920-х – первая половина 1930-х годов. Справочник-путеводитель / Е.Б. Овсянникова, Н.Ю. Васильев, М.В. Евстратова, О.А. Панин. – М.: С.Э. Гордеев, 2011. – 512 с.
11. Овсянникова Е.Б. Москва реконструируется / Вводная статья к факсимильному изданию книги 1938 года / Е.Б. Овсянникова, Н.Ю. Васильев. – М.: Реставрация-Н, 2014. – Т. 1. – С. 5-29.
12. Овсянникова Е.Б. Архитектура Москвы периода НЭПа и Первой пятилетки. Путеводитель. 12 маршрутов / Е.Б. Овсянникова, Н.Ю. Васильев, Т.А. Воронцова, О.А. Панин, А.В. Туканов, М.А. Туканов. – М.: Реставрация-Н, 2014. – 168 с.
13. Соловьева Е. Новые дома. Архитектура жилых комплексов Москвы 1920-1930-х годов / Е. Соловьева, Т. Царева. – М.: План, 2012. – 605 с.
14. Токарев А. Архитектура Юга России эпохи авангарда. Часть 2. – Ростов-на-Дону: Акад. архит. и искусств ЮФУ, 2018. – 288 с.
15. Энциклопедия Авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. В трех томах, в четырех книгах. Авторы составители В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Global Expert & Service Team, 2014. – 2068 с.

References

1. Bronovitskaya N.N. *Pamyatniki arxitektury Moskvy. Arxitektura Moskvy 1910–1935 gg. Tom 9* [Moscow Architecture Monuments. Moscow Architecture 1910-1935. Vol. 9]. Moscow, Iskusstvo-XXI vek, 2012, 356 p.
2. Bronovitskaya N.N. *Pamyatniki arxitektury Moskvy. Arxitektura Moskvy 1933-1941 gg. Tom 10* [Moscow Architecture Monuments. Moscow Architecture 1910-1935. Vol. 10]. Moscow, Iskusstvo-XXI vek, 2015, 320 p.
3. Vassiliev N.Yu. *Evolyuciya tipologii massovogo zhilishha v sovetskoj arxitekture. Massovoe zhilishhe kak obekt tvorchestva. Rol socialnoj inzhenerii i xudozhestvennyx idej v proektirovanii zhiloj sredy. Opyt XX veka i problemy XXI veka* [Evolution of Planning Typologies in Soviet Mass Housing of 1920s-1930s. Mass Housing as Form of Creativity. The Role of Social Engineering and Creative Ideas in Designing Living Environments. Experience of 20th Century and Challenges of 21 Century]. Moscow, BuksMArt, 2015, pp. 110-121.
4. Vassiliev N.Yu., Ovsyannikova E.B. *Milyutin – geroy svoego vremeni* [Milyutin – Hero of His Time. Renaissance Person]. New York, RMCS, 2015, pp. 269-303.
5. Vassiliev N., Ovsyannikova E. *Boris Velikovskiy. 1878-1937* [Boris Velikovskiy. 1878-1937]. Stuttgart, Arnoldische Art Publishers, 2017, 256 p.
6. Vassiliev N.Yu. *Ob oxrane massovoj zastrojki perioda pervyx pyatiletok* [Heritage preservation of large-scale housing development of the first Five-Year-Plans' periods. Revolution and Heritage. Heritage of the Revolution]. Saint-Petersburg, Papirus, 2017, pp. 241-250.
7. *Ekaterinburg. Arxitekturnyj putevoditel'. 1920-1940. 8 marshrutov* [Ekaterinburg. Architecture Guidebook. 1920-1940. 8 tours]. Ekaterinburg, Tatlin, 2015, 360 p.
8. Konyshcheva E., Meerovich M., *Ernst Maj i proektirovanie socgorodov v gody pervyx pyatiletok (na primere Magnitogorska)* [Ernst May and Sotsgorod Designing during First Five-year Plans]. Moscow, Lenand, 2012, 224 p.
9. Malinina T.G. *Formula stilya: Ar Deko: istoki, regionalnye varianty, osobennosti evolyucii* [Formula of Style: Art Deco: Roots, Regional Variants, Evolution Highlights]. Moscow, Pinakoteka, 2005, 304 p.
10. Ovsyannikova E.B., Vassiliev N.Yu., Evstratova M.V., Panin O.A. *Krasnaya kniga. Arxitektura avangarda. Moskva. Vtoraya polovina 1920-x – pervaya polovina 1930-x godov. Spravochnik-putevoditel* [Moscow Avant-Garde Architecture. Second Half of 1920s–First Half of 1930s. Reference and Guidebook]. Moscow, S.E. Gordeev, 2011, 512 p.
11. Ovsyannikova E.B., Vassiliev N.Yu. *Moskva rekonstruiyuetsya. Moskva rekonstruiyuetsya / Vvodnaya stat'ya k faksimil'nomu izdaniyu knigi 1938 goda* [Moscow on Reconstruction. A Foreword Article on 1938 Book Facsimile Edition]. Moscow, Restavraciya-N, 2014, v. 1, pp. 5-29.
12. Ovsyannikova E.B., Vassiliev N.Yu., Voroncova T.A., Panin O.A., Tukanov A.V., Tukanov M.A. *Arxitektura Moskvy perioda NE'Pa i Pervoj pyatiletki. Putevoditel'. 12 marshrutov* [Moscow Architecture of NEP and First Five-Year Plan. Guidebook. 12 Tours]. Moscow, Restavraciya-N, 2014, 168 p.

13. Soloveva E., Tsareva T. *Novye doma. Arhitektura zhilykh kompleksov Moskvy 1920–1930-x godov* [New Houses. Moscow Residential Complexes of 1920-1930s Architecture]. Moscow, Plan, 2012, 605 p.
14. Tokarev A. *Arhitektura Yuga Rossii epoxi avangarda. Chast 2* [Russian South Architecture of the Avant-Garde Epoch]. Rostov-On-Don, South Federal University Academy of Architecture and Arts, 2018, 288 p.
15. *Enciklopediya Avangarda. Izobrazitel'noe iskusstvo. Arhitektura. V trex tomakh, v chetyrex knigax* [Avant-Garde Encyclopedia. Arts and Architecture. In]. Moscow, Global Expert & Service Team, 2014, 2068 p.

ОБ АВТОРЕ

Васильев Николай Юрьевич

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры «Архитектура», Московский Государственный Строительный Университет, Москва, Россия

e-mail: n.vassiliev@docomomo.ru

Vassiliev Nikolai

PhD in History of Arts, «Architecture» Chair Assistant Professor, Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

e-mail: n.vassiliev@docomomo.ru